

УДК 347.001

doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.59-68

**ЗНАЧЕНИЕ ДОКТРИНАЛЬНОГО
НАСЛЕДИЯ Д.И. МЕЙЕРА В СТАНОВЛЕНИИ УЧЕНИЯ
О МЕХАНИЗМЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ
И ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ**

Е.В. Вавилин, Г.В. Колодуб

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, 410028, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются взгляды Д.И. Мейера на вопросы осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей в рамках базовых институтов современного гражданского права, а именно опеки и попечительства, вещных правоотношений. В отношении института опеки и попечительства раскрываются такие аспекты, как статус опеки, отличия между опекой и попечительством, имущественные отношения между опекуном и опекаемым. Анализируя вещные правоотношения, авторы, в частности, обращают внимание на специфику видового деления владения, предложенного Д.И. Мейером, и неоднозначность определения видов владения в современной гражданско-правовой науке. Сделан вывод об актуальности идей Д.И. Мейера, многие из которых нашли отражение в современных нормативных актах и при разработке Концепции развития гражданского законодательства; предложено учитывать их и при внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации; отмечается вклад Д.И. Мейера в развитие национального опыта исследования цивилистических тем.

Ключевые слова: Д.И. Мейер, гражданское право, механизм осуществления прав и исполнения обязанностей, гарантированное осуществление прав, институт гражданского права, опека и попечительство, вещные правоотношения

В настоящем исследовании, посвященном научному наследию выдающегося российского юриста-цивилиста, общественного деятеля, доктора права Д.И. Мейера, двухсотлетний юбилей которого отмечается в этом году, рассматриваются вопросы осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей в рамках базовых институтов современного гражданского права. Выбор рассматриваемых в статье институтов неслучаен. Так, Д.И. Мейер, несомненно, внес вклад в накопление доктринальных знаний по отношению к таким образованиям гражданского права, как опека и попечительство, вещные правоотношения.

Институт опеки и попечительства

Правовые вопросы, в той или иной степени затрагивающие сферу опеки и попечительства, существуют довольно давно. Еще Римскому праву известны такие

институты, как “tutela”, под которым понимали непосредственно ‘опеку’, и “cura”, который означал ‘попечение’ [1, с. 368].

Немало классиков посвящали свои труды проблемам института опеки и попечительства [2, с. 456; 3, с. 457; 4, с. 529]. Одним из этой когорты ученых был Д.И. Мейер. В своей работе «Русское гражданское право» автор посвятил целую главу описанию и исследованию проблематики существования опеки и попечительства, видов опеки и поводов к ее учреждению, опекунских установлений и в целом общественных отношений, связанных с возложением и прекращением опеки и попечительства [5, с. 393–407].

Первый вопрос, который ученый ставит в своем исследовании, таков: является ли опека частным или государственным интересом? С одной стороны, это задача родителей и родственников, с другой – государства, обязанного заботиться о гражданах. По вопросу установления конкретного отношения, которое опека должна иметь к гражданскому праву, высказывались разные мнения. Некоторые ученые считали, что статус отношения должен определяться через эквивалент родительской власти. Другие полагали, что отношения предопределены функциональным назначением отрасли деятельности государства. При этом отмечалось, что иногда государство освобождено от этой заботы, так как человек имеет родных и не нуждается в его вмешательстве. Лица, не имеющие родных, нуждаются в государственной заботе, и таким образом возникает опека. Третий подход связывает опеку с договором, заключаемым между опекаемым и опекуном.

Свое видение вопроса о статусе опеки Д.И. Мейер формулировал следующим образом: «Опека стоит как бы на рубеже гражданского права и государственного» [5, с. с. 622]. С этим невозможно не согласиться, ведь действительно, опека обращена в первую очередь к частным интересам граждан, однако государственному участию отводится довольно большая роль: на нем «лежит обязанность иметь попечение о тех, которые сами не могут заботиться о своих интересах; след., для государства есть повод создать учреждение, которое оказывало бы пособие нуждающимся в нем» [5, с. 622].

Ученый довольно точно определил острую потребность общества в специализированных учреждениях, которые были бы уполномочены опекать несовершеннолетних и недееспособных граждан. Как видно из отечественной истории, впоследствии такие учреждения были созданы, более того, продолжают активно действовать и в настоящее время.

Д.И. Мейер проводил достаточно четкую грань между опекой и попечительством, отмечая, что «опекун представляет личность опекаемого; попечитель же только дополняет собою эту личность, так что опекун действует за опекаемого, а попечитель только поддерживает последнего советами. <...> Лицо, по неразвитию своему или по другим каким-либо обстоятельствам нуждающееся в представительстве, получает опекуна; лицо, не нуждающееся в представительстве, но только в советах при действиях более важных, получает попечителя» [5, с. 624].

Если мы обратимся к Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ), то в ст. 31 обнаружим, что опека устанавливается над малолетними, а также над гражданами, признанными судом недееспособными вследствие психического расстройства, попечительство устанавливается над несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также над гражданами,

ограниченными судом в дееспособности. В Федеральном законе от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» закреплено, что опека – форма устройства малолетних граждан (не достигших возраста четырнадцати лет несовершеннолетних граждан) и признанных судом недееспособными граждан, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (опекуны) являются законными представителями подопечных и совершают от их имени и в их интересах все юридически значимые действия.

Сравнив приведенную цитату из «Русского гражданского права», ст. 31–33 ГК РФ и ст. 2 ФЗ «Об опеке и попечительстве» можно прийти к однозначному выводу о том, что в действующем цивилистическом законодательстве отражены положения, приведенные в свое время Д.И. Мейером в своем труде, и нормативные акценты регулирования правового института сохранены. В первую очередь это прослеживается в различии оснований назначения опеки и попечительства, в характере и объеме прав опекуна и попечителя по отношению к подопечному.

Интересным представляется рассмотрение вопроса, касающегося юридических отношений, возникающих при опеке. По работе Д.И. Мейера мы видим, что отношения опекуна и подопечного являются двойными: как личными, так и имущественными [5, с. 629]. Невозможно не согласиться с выводом автора, который концентрирует внимание на необходимости учета интересов обладателя субъективного гражданского права.

Одной из главных задач опекуна в рамках личных отношений Д.И. Мейер называет воспитание опекаемого, всестороннее развитие физических и умственных сил. Данное положение актуально и по сей день и находит отражение в п. 6 ст. 148.1 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ): опекун или попечитель ребенка имеет право и обязан воспитывать ребенка, находящегося под их опекой или попечительством, заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка. Кроме того, согласно ст. 36 ГК РФ опекуны и попечители несовершеннолетних должны заботиться об их обучении и воспитании.

Относительно имущественных отношений между опекуном и опекаемым в «Русском гражданском праве» отмечается, что «опекун, заведывая имуществом опекаемого, обязан действовать к его пользе и за всякое нарушение интереса опекаемого подлежит ответственности», а также «все имущество опекаемого описывается на основании общих правил об описи имуществ» [5, с. 630]. Современное гражданское законодательство также закрепляет подобное. Так, согласно Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» опекун или попечитель, обязан принять имущество подопечного по описи от лиц, осуществлявших его хранение, в трехдневный срок с момента возникновения своих прав и обязанностей. Опекун и попечитель обязаны заботиться о переданном им имуществе подопечных как о своем собственном, не допускать уменьшения стоимости имущества подопечного и способствовать извлечению из него доходов (ст. 18 ФЗ-48).

При этом обнаруживается разница в оценке оснований опеки: так, Д.И. Мейер называет главным основанием малолетство лица, имеющего имущество, тогда как в настоящее время основанием для назначения опеки и попечительства над детьми являются утрата ими родительского попечения. Ученый также называет и другие основания опеки: «по умственной неспособности лица к гражданской

деятельности, по расточительности, по безвестному отсутствию хозяина имущества» [5, с. 626]. Но каждая из них действует на тех же началах, что и опека над малолетними. Прослеживается явное различие с действующим законодательством положений о выборе опекуна.

В целом весьма точным представляется вывод Д.И. Мейера по поводу сочетания опеки с попечением, которое, по мнению автора, не заменяет опеку, а просто дополняет ее. Опекун может советоваться с попечителем, а попечитель надзирать за опекуном. Совмещение двух этих понятий происходит, например, когда суд сомневается в назначении матери ребенка опекуном и назначает ее попечителем, а опекуном – более подходящее лицо. Цивилист характеризует попечительство таким образом: он считает его дополнением к личности, а не представлением личности, как в опеке. Он говорит о его формальности, малозначимости [5, с. 635]. В настоящее время попечительство является важным и нужным институтом семейного права, который следует представлять в качестве поименованного элемента механизма осуществления субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей, понимаемого в качестве законодательно санкционированного порядка организации фактических и/или юридически значимых действий участников гражданских правоотношений, обеспечивающего действительное достижение субъектами правовой цели (получение/предоставление блага).

Вещные правоотношения

Право собственности справедливо считается центральным институтом гражданского права. Данный институт является основным базисом гражданско-правового регулирования, ввиду чего не может быть оставлен без внимания как с точки зрения практической, так и теоретической оценки. Вопросы о понятии и содержании права собственности издавна носят дискуссионный характер. Каким бы простым ни казался вопрос о природе собственности при первоначальной его постановке, сложности решения обуславливаются многоаспектностью самого права собственности: это и социально-правовая ценность, и совокупность нормативно-правовых норм, регламентирующих отношения принадлежности материальных благ личности [6, с. 210].

По словам одного из родоначальников отечественной гражданско-правовой науки Д.И. Мейера, «в области юридических отношений право собственности является необходимостью и в гражданском праве занимает первое место» [5, с. 247]; право собственности, по утверждению ученого, уже потому заслуживает внимания, что может собой заменить все иные имущественные права, в то время как его в принципе заменить невозможно [5, с. 247].

Идеи Д.И. Мейера, в том числе его учение о владении, имеют большое теоретическое значение для российских цивилистов. Так, Е.А. Суханов считает, что владение полностью принадлежит к явлениям фактического порядка, то есть это протекающий во времени и пространстве процесс физического господства над вещью. В свою очередь, предлагая оценку праву как явлению идеальному, не локализованному в пространстве, мы акцентируем внимание на том, что явление лишено качеств процесса и, как любой идеальный феномен, находится вне времени и пространства [7, с. 15]. Р.С. Бевзенко считает, что «нахождение вещи в имущественной сфере лица нельзя признавать правом по определению,

оно может рассматриваться исключительно как факт, имеющий юридическое значение» [8, с. 537].

Представляется, что истоком права собственности является фактическое владение вещью, так как без него абстрактные понятия не имеют смысла, для них нужна фактическая основа, связывающая явление с его законодательной проекцией. Именно на этом основании Д.И. Мейер, рассуждая о праве собственности, изначально обращался к объему правомочий собственника, утверждая, что обладатель субъективного вещного права получает безусловное, полное, ничем и никем не ограниченное господство лица над вещью. В практическом плане такое определение расходится с действительностью. По словам классика, «если рассматривать право собственности, как оно существует в действительности, то оказывается, что оно существует и без такой безусловности, неограниченности и полноты. . . Неограниченное юридическое господство лица над вещью даже неудобомыслимо: право есть понятие о мире, ограничении свободы, так что понятие об ограничении лежит в самом понятии о праве; право собственности есть только вид права, следов, и на нем должен отразиться и, действительно, отражается, характер ограниченности» [5, с. 248] (см. также [9 с. 222]).

Отметим, что подобные умозаключения цивилиста позволили нам в современных реалиях утверждать, что осуществление субъективного гражданского права складывается из двух форм выражения, базовых составляющих: динамики (действия или совокупности действий, направленных на достижение заложенного в праве желаемого, необходимого для субъекта результата (реализации права лица в его узком значении) [10, 11]) и состояния (статики) отношений [12, с. 16], в которых мы и обнаруживаем проявления «ограничивающего» свойства права, описанного Д.И. Мейером.

Обратившись к действующему законодательству, мы обнаружим множество примеров ограничений рассматриваемого правового явления – института владения. Так, уже в п. 2 ст. 209 ГК РФ, посвященном регламентации отношений права собственности, имеется следующая формулировка: собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц.

Исследование вещных правоотношений Д.И. Мейер строил на своих воззрениях относительно такого концепта, как владение. Цивилист, на которого большое влияние оказали идеи Ф.К. фон Савиньи [13, с. 305], не признавал владение правом, а определял его лишь фактическим отношением к вещи. Д.И. Мейер считал, что не следует относить к владению все те понятия, которые входят в состав права; но вместе с тем владение и не исключает их. Вещь, которая подлежит юридическому владению, прежде всего вещь физическая, способная подлежать фактическому господству. Д.И. Мейера можно назвать родоначальником идеи владения как факта в русской цивилистике.

Судебная практика в России свидетельствует о довольно единообразном понимании владения, что подчеркивает его фактическую природу. Так, в постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 11 июня 2014 г. по делу № А53-20192/2013 отмечается, что владение означает фактическое обладание вещью (ПФАС1); в постановлении ФАС Поволжского округа от 18 мая 1999 г. по делу

№ А72-3571/98-Б259 владение означает фактическое обладание имуществом, создающее для обладателя возможность непосредственного воздействия на него (ПФАС2); в апелляционном определении Тюменского областного суда от 22 августа 2012 г. по делу № 33-3658/2012 владение означает возможность реально иметь, физически обладать неким имуществом в данный момент (АОТОС).

Обращает на себя внимание специфика видового деления владения, предложенного Д.И. Мейером. Так, ученый выделял владение давностное, добросовестное и недобросовестное. Под давностным владением понималось приобретение права собственности по давности, добросовестное владение заключалось в «искреннем, хотя и ложном представлении владельца о праве владения», а «владение недобросовестное, в противоположность добросовестному, есть владение сознательно незаконное, нарушающее чье-либо право» [5, с. 253]. Недобросовестное владение Д.И. Мейер делил на самовольное, насильственное и подложное. По его словам, «самовольным называется владение, не основанное на праве, нарушающее притом право другого лица, но без насилия. Владение насильственное также самовольно, но соединено с применением насильственных мер. ... Владение подложное также характеризуется самовольным, при котором употреблен подлог для приобретения или продолжения владения» [5, с. 253–254]. В понимании ученого расхождение в видах незаконного владения не имеет значения по отношению к самому владению.

На текущий момент проблема определения видов владения не нашла однозначного решения в гражданско-правовой науке. Наравне с добросовестным и недобросовестным владением современные ученые выделяют законное и незаконное. Разработчики Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (КРГЗ) считают, что в ГК РФ следует указать такие виды владения, как законное и незаконное, добросовестное и недобросовестное. В основе деления на законное и незаконное владение лежит объективный критерий, а при дифференциации добросовестного и недобросовестного владения берется за основу субъективный признак, заключающийся в оценке обстоятельств, в которых состоялось приобретение.

Д.И. Мейер не выделял законное владение как один из видов владения. Он считал, что оно может заключаться только в праве собственности, в силу которого лицо может пользоваться и распоряжаться вещью. На сегодняшний день против этого утверждения выступает в частности К.И. Скловский. Он рассматривает законных (титульных) владельцев как временных владельцев, обладающих правом в силу договора с собственником, то есть владение считается законным только по воле собственника и нельзя «считать владение законным потому лишь, что оно разрешено законом, иначе придется вывести владение из системы частного права и переместить его в право публичное» [14, с. 95].

Подход Д.И. Мейера к добросовестному владению разделяется как учеными, так и законодателями. В основе его подхода лежит субъективный критерий добросовестности, то есть извинительное незнание определенных фактов, имеющих юридическое значение. В первую очередь нужно иметь в виду, что для добросовестного владения требуется правовое основание, возникшее в порядке надлежащего исполнения. Но есть исключение из этого общего основания. Так, незаконное владение может защищаться законом, потому что фактическое добросовест-

ное владение может стать основанием приобретения права собственности по давности владения (п. 1 ст. 234, п. 3 ст. 225 ГК РФ). Но ответчик не теряет своего права заявить, что иск не подлежит удовлетворению, так как истец не имеет на своей стороне того юридического состава, который описан в ч. 1 ст. 234 ГК: владение добросовестное, открытое, непрерывное, *pro sua* (для себя) [15, с. 453].

Таким образом, Д.И. Мейер считал, что владение – это фактическое отношение лица к вещи, иначе говоря – господство лица над вещью. Его подход к теории владения оказал большое влияние на современных цивилистов, предметно занимающихся поиском решения проблем из области вещного права: К.И. Скловского, Е.А. Суханова, Р.С. Бевзенко и др. Подход Д.И. Мейера нашел также отражение в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. Можно констатировать, что учение Д.И. Мейера на сегодня является актуальным и при внесении изменений в ГК РФ.

Завершая краткий анализ научного наследия Д.И. Мейера, следует отметить следующее. Фундаментальный характер труда «Русское гражданское право» объясняется тем, что цивилист при исследовании права собственности и отдельных его правомочий одним из первых предпринял попытку добраться до самой сущности права собственности и ее отдельных правомочий и описать их не только с чисто юридической, но также и с практической или «бытовой» точки зрения. Подобное представляется важным, потому что ни одна норма права без возможности ее применения к реально существующим правоотношениям просто невысказана, в таком случае теряется ее предназначение – быть регулятором общественных отношений [9, с. 121].

Что касается воззрений Д.И. Мейера на опеку и попечительство, можно сделать вывод, что его понимание опеки не претерпело изменений до нашего времени. В свою очередь, положения о попечительстве подверглись корректировке современными положениями гражданского закона. Разницу между выводами Д.И. Мейера, основывающегося в своих работах на действующем в то время законодательстве, и современным гражданским законом можно проследить в вопросах о видах опеки (тогда – завещательный, законный и правительственный; сейчас – безвозмездный, опека по договору и предварительный вид).

Источники

- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 3 авг. 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- ФЗ-48 – Федеральный закон от 24 апр. 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СЗ РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.
- СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 18 марта 2019 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
- ПФАС1 – Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11 июня 2014 г. по делу № А53-20192/2013. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/court/resheniya-fas-severo-kavkazskogo-okruga/>, свободный.
- ПФАС2 – Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 18 мая 1999 г. по делу № А72-3571/98-Б259. – URL: <https://resheniya-sudov.ru/2004/252327/>, свободный.

АОТОС – Апелляционное определение Тюменского областного суда от 22 авг. 2012 г. по делу № 33-3658/2012. – URL: <https://sudact.ru/regular/court/WfpA4UBHWNQu/>, свободный.

КРГЗ – Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступ. ст. А.Л. Маковского. – М.: Статут, 2009. – 160 с.

Литература

1. *Покровский И.А.* История римского права. – Петроград: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1917. – 431 с.
2. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. По изданию 1907 г. – М.: Спарк, 1995. – 556 с.
3. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – 640 с.
4. *Синайский В.И.* Русское гражданское право. – М.: Статут, 2002. – 638 с.
5. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. – СПб.: Тип. Д.В. Чичинадзе, 1902. – 804 с.
6. *Суханов Е.А.* Лекция о праве собственности. – М.: Юрид. лит., 1991. – 240 с.
7. *Суханов Е.А.* Вещное право: Научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017. – 560 с.
8. *Бевзенко Р.С.* Проблема владения и держания // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт, 2009. – 1009 с.
9. *Вавилин Е.В.* Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2016. – 416 с.
10. *Колодуб Г.В.* Динамика гражданско-правового обязательства: категория, содержание, значение // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. – 2011. – № 3. – С. 112–116.
11. *Колодуб Г.В.* К вопросу о понимании категории «динамика» гражданско-правового обязательства // Вестн. Саратов. гос. акад. права. – 2011. – № 3. – С. 89–92.
12. *Вавилин Е.В.* Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – 54 с.
13. *фон Савиньи Ф.К.* Система современного римского права: в 8 т. / Под ред. О. Куталадзе, В. Зубаря, пер. с нем. Г. Жигулина. – Статут, 2011. – Т. I. – 510 с.
14. *Скловский К.И.* Некоторые проблемы владения в судебной практике // Вестн. ВАС РФ. – 2002. – № 4. – С. 95–107.
15. *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. – М.: Статут, 2010. – 893 с.

Поступила в редакцию
18.05.19

Вавилин Евгений Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой гражданского права

Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская, д. 1, г. Саратов, 410056, Россия

Колодуб Григорий Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская, д. 1, г. Саратов, 410056, Россия
E-mail: kolodub-ssla@yandex.ru

doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.59-68

**The Value of D.I. Meyer's Doctrinal Heritage in the Formation of the Doctrine
of the Mechanism of Exercising Civil Rights and Performance of Duties***E.V. Vavilin, G.V. Kolodub***Saratov State Law Academy, Saratov, 410056 Russia*

E-mail: *kolodub-ssla@yandex.ru

Received May 18, 2019

Abstract

This paper is devoted to a brief overview of the scientific heritage of D.I. Meyer, who made an enormous contribution to the formation and development of the modern civil law doctrine and legislation. The ability of a scientist to keenly feel the needs of Russian society in the settlement of certain legal issues is very important. This skill and high professional qualities of D.I. Meyer were reflected in his work "Russian Civil Law", the provisions of which were implemented in the modern legal norms – in such legal entities as guardianship and trusteeship, as well as property relations. The scientist played a crucial role in the development of modern civil law; his works created at the turn of the 19th – 20th centuries remain relevant to this day, in modern Russian civil legislation, because D.I. Meyer's findings are the significant achievements that allowed to complete the work on the justification of the implementation mechanism of civil rights and enforcement and the mandatory part of this theory – the concept of guaranteed implementation of civil rights. The characteristic of D.I. Meyer's scientific activity is that he did not pursue exclusively dogmatic tasks aimed at identifying distinctive features, by means of which it would be possible to delimit the phenomena under study, for example, the ownership right from all other rights of property rights. D.I. Meyer, in his reasoning, clearly drew a line towards binding theory and practice. Another feature that can be considered is the inclusion of the social aspect in the content of subjective civil rights, in particular, determining the social nature of property rights.

Keywords: D.I. Meyer, civil law, mechanism for exercising rights and duties, guaranteed rights, civil law institution, guardianship and trusteeship, property relations

References

1. Pokrovskii I.A. *Istoriya rimskogo prava* [The History of Roman Law]. Petrograd, Izd. Yurid. Kn. Sklada "Pravo", 1917. 431 p. (In Russian)
2. Shershenevich G.F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. Po izdaniyu 1907 g.* [Textbook of Russian Civil Law. Based on the Edition of 1907]. Moscow, Spark, 1995. 556 p. (In Russian)
3. Vladimirovskii-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [A Review of Russian Law History]. Rostov-on-Don, Feniks, 1995. 640 p. (In Russian)
4. Sinaiskii V.I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Moscow, Statut, 2002. 638 p. (In Russian)
5. Meyer D.I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. St. Petersburg, Tip. D.V. Chichinadze, 1902. 804 p. (In Russian)
6. Sukhanov E.A. *Lektsiya o prave sobstvennosti* [A Lecture on the Property Right]. Moscow, Yurid. Lit., 1991. 240 p. (In Russian)
7. Sukhanov E.A. *Veshchnoe pravo: Nauchno-poznavatel'nyi ocherk* [Law of Property. A Scientific and Educational Essay]. Moscow, Statut, 2017. 560 p. (In Russian)

8. Bevzenko R.S. The problem of ownership and holding. In: *Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Civil Law: Urgent Problems of Theory and Practice]. Belov V.A. (Ed.). Moscow, Yurait, 2009. 1009 p. (In Russian)
9. Vavilin E.V. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav* [Implementation and Protection of Civil Rights]. Moscow, Statut, 2016. 416 p. (In Russian)
10. Kolodub G.V. The dynamics of civil and legal obligations: The category, content, and meaning. *Vestnik Povolzhskoi Akademii Gosudarstvennoi Sluzhby*, 2011, no. 3, pp. 112–116. (In Russian)
11. Kolodub G.V. On the issue of understanding the category of “dynamics” of civil law obligations. *Vestnik Saratovskoi Gosudarstvennoi Akademii prava*, 2011, no. 3, pp. 89–92. (In Russian)
12. Vavilin E.V. Mechanism for the exercise of civil rights and obligations. *Extended Abstract of Doct. Leg. Sci. Diss.* Moscow, 2009. 54 p. (In Russian)
13. Savin'i F.K. von. *Sistema sovremennogo rimskogo prava* [The System of Current Roman Law]. Vol. I. Kutateladze O., Zubar' V. (Eds.). Moscow, Statut, 2011. T. I. 510 p. (In Russian)
14. Sklovskii K.I. Some problems of ownership in judicial practice. *Vestnik VAS RF*, 2002, no. 4, pp. 95–107. (In Russian)
15. Sklovskii K.I. *Sobstvennost' v grazhdanskom prave* [Property in Civil Law]. Moscow, Statut, 2010. 893 p. (In Russian)

Для цитирования: Вавилин Е.В., Колодуб Г.В. Значение доктринального наследия Д.И. Мейера в становлении учения о механизме осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 4. – С. 59–68. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.59-68.

For citation: Vavilin E.V., Kolodub G.V. The value of D.I. Meyer's doctrinal heritage in the formation of the doctrine of the mechanism of exercising civil rights and performance of duties. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 4, pp. 59–68. doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.59-68. (In Russian)